

соб написать, как водится, «любовную записочку» и использовать потайную дверь. Если Елизавета останавливается в нерешительности посреди комнаты гостя, не зная, куда положить письмо, Марья тотчас же открывает сундук Здравосудова поддельными ключами, которые изготовил ее брат. Смелость служанки переходит в отчаянную дерзость, когда Марья, несмотря на то что Здравосудов чуть не поймал ее в своей комнате, насмешливо отвечает ему, прежде чем скрыться через потайную дверь.

Подобная значимость роли служанки в интриге связана с упрощением сюжета. Марье вслед за немецкой служанкой приходится принять на себя часть функций, которые во французских версиях комедии выполняла подруга главной героини. В то же время такой образ находился в согласии с развитием русского драматического искусства. Марья — типичная служанка из мешанской драмы, а по замечанию Ю. В. Стенника, одним из новшеств, которое было внесено в жанр русской комедии Екатериной II, стал «тип смышленной субретки, выступающей наперсницей, а то и наставницей своей молодой госпожи»³⁹.

Любопытно, что в русской комедии именно женщины чаще всего используют сентиментальную и романтическую любовную риторику, веря в ее эффективность. Мужские персонажи принадлежат к миру практическому, миру рассудка, а не чувства, поэтому обращение к фантазии, вымыслу они принимают только как женскую хитрость. Миролоб вполне прагматически стремится выдать замуж сестру и в конце комедии упрекает Елизавету в том, что она не сделала и его участником столь хитроумной интриги. Здравосудов буквально как в омут бросается во встретившееся ему любовное приключение, но в отличие от немца Вагнера, находящего «славными и обольстительными» разыгрывающих его дам (331), он признает их «за двух хитрых и проворных женщин» (86), отсюда и название комедии «Домовой, или Женская хитрость».

Когда романная интрига подходит к концу, все возвращается на свои места, к реальным канонам любовного поведения, гораздо более традиционным, чем в романах, как для немцев, так и для русских. Покинув мир вымысла, героиня и ее служанка внезапно теряют всю былую смелость и превращаются в образцовых девиц, оставляя мужчинам инициативу в амурных делах. Женщина должна казаться недоступной, быть необычайно целомудренной и исключительно стыдливой, только этими культурными концептами можно объяснить реплику Елизаветы в финальной сцене.

Миролоб. Ну если она и женою-та столько ж будет хитра — как в девках.

³⁹ Стенник Ю. В. Драматургия русского классицизма. С. 135.